ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ НА РУБЕЖЕ XX - XXI ВЕКОВ

И.А.Разумова

СЕВЕРНЫЙ «МИГРАЦИОННЫЙ ТЕКСТ» ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Постановка проблемы

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия этнических, локальных и семейных стереотипов, их роль в восприятии человеком того или иного места и связь этого когнитивного фактора с миграционными поведенческими стратегиями жителей Российского Севера.

Изучение этнолокальной идентичности, локального самосознания (осознания человеком принадлежности к локальной группе и определенному месту) и обстоятельств, которые на них влияют, призвано способствовать более глубокому пониманию феномена гражданского, или «национального», самосознания. По нашему мнению, в настоящее время это одна из насущных задач как этнологической науки, так и социологии, и она приобретает особую актуальность при анализе этнокультурных и социальных процессов на постсоветской стадии развития России.

В связи с этим представляют интерес процессы взаимодействия собственно этнического и локального компонентов в конструировании групповой и личной идентичности и выстраивании жизненных проектов, степень влияния миграций на динамику этих процессов. С одной стороны, локальная символика играет немалую роль в формировании этнического самосознания, с другой, этнические стереотипы влияют на восприятие места, его «присвоение» или, напротив, отторжение, и сказываются на миграционных настроениях. Существует безусловная корреляция между локальной символикой и миграционным поведением.

Северо-западный регион России, полиэтничный и гетерогенный в экономическом отношении, характеризуется высокой интенсивностью миграционных процессов, вызванных различными социально-экономическими причинами. В настоящее время миграционные настроения провоцируются осознанием катастрофической ситуации в экономике, экологии, социально-культурном состоянии на многих территориях региона. Судя по повседневному дискурсу и циркулирующим слухам, эти настроения приобретают порой панический оттенок. Они дестабилизируют эмоционально-психологический микроклимат и, следовательно, среди прочих причин препятствуют устойчивому развитию северных территорий. По нашему убеждению, изучение локального и этнолокального самосознания, как и процессов миграций, неотделимо от исследования миграционных настроений и когнитивных стереотипов, которые их определяют.

Миграции в современной России интенсифицировались. Помимо процессов, достаточно хорошо изученных историками и социологами: эмиграции, миграций отдельных этнических и локальных групп, вызванных геополитическими переменами, - существуют «микромиграции». Они представляют собой перемещения малых групп, (прежде всего семей) или отдельных лиц, продиктованные стремлением жить в больших городах, вызванные поисками работы, "лучшей жизни" и т.п. В современных условиях это основная форма переселений, которая может достигать весьма значительных масштабов. Микромиграции в немалой степени определяют ментальный климат в современной России.

Миграционные настроения и ожидания людей основываются на специфическом восприятии пространства, и в этом отношении они этнически специфичны. Широко распространенное мнение, что русские избирают переселение на новое место жительства в качестве панацеи от всех бед, давно стало тривиальным. Это едва ли не общее место многих этнографических описаний, философских и публицистических рассуждений о "русском характере". Приведем с небольшими купюрами лишь одно из высказываний, принадлежащее Н.М.Ядринцеву, автору одного из известных историко-этнографических сочинений XIX в. "Сибирь как колония": "Как в Древней, так и в новой Руси побег и бродяжество были единственным протестом личности против стесняющих ее всякого рода обстоятельств. Тяжело ли было русскому человеку от крепостного права, давил ли его воевода, брали ли в войско, начинали ли записывать в податной подушной оклад, запрещали ли исповедовать старую веру <...>, голод ли приходил, бедность ли душила <...> - он делал одно - бежал и бежал" [Ядринцев 1882, 351].

Подобные утверждения имеют статус "национального мифа" и одновременно подтверждаются историко-этнографическими и статистическими данными. Действительно, территориальные возможности России всегда позволяли перемещаться большим группам людей. Кроме того, достаточно напомнить о таких распространенных явлениях русской культуры как странничество, бродяжничество [Максимов 1877]. Не случайно так развита оказалась, в частности, у северных русских культура дороги -- "комплекс традиций, связанных с передвижениями", как определяет данный феномен его исследователь Т.Б.Щепанская. По мнению Т.Б.Щепанской, русские - это "движущийся этнос с самосознанием оседлого. Но движение здесь не похоже на перемещения классических кочевников: оно подспудно и постоянно" [Щепанская 1992, 102-103].

Как известно, значительное место в русском фольклоре занимает социально-утопическая проза, которая включает сюжеты, связанные с поисками земель, где царят справедливость, равенство, благополучие и т.п. (легенды о Беловодье, неведомом граде Китеже, "городе Игната" и др.). Этот пласт устной словесности был в свое время детально и глубоко проанализирован К.В.Чистовым [Чистов 1967]. Принимая во внимание устойчивость социально-утопических мифов и сюжетов в русской культуре, которые стимулировали реальные поиски "земли счастья", можно полагать, что миграционные поведенческие модели русских проявляют относительную стабильность.

Вместе с тем очевидно и то, что, например, в постсоветское время миграционная ситуация, поведение людей и связанные с ними миграционные настроения значительно меняются по сравнению с предшествующим периодом.

В эпоху Советской России наиболее важные миграционные процессы, как известно, были вызваны (1) насильственным переселением определенных групп населения - этнически дискриминированных или имевших "чуждое социальное происхождение"; (2) индустриализацией и связанными с ней геополитическими целями советского правительства; (3) урбанизацией, которая сопровождалась более или менее вынужденной "эмиграцией" сельского населения в города. Таким образом, эти процессы инициировались преимущественно внешними обстоятельствами. Особое место в советской истории занимает, как известно, и феномен эмиграции. Эмиграция охватывала далеко не все социальные группы советского общества, но прежде всего интеллектуальную элиту. Особенно это касается так называемой "первой волны эмиграции" - экспатриации представителей культурно и социально привилегированных слоев населения после Октябрьской революции и "третьей волны" - массового исхода интеллигенции в США, Германию, Израиль и другие страны в 1980-е годы. В ряде случаев эмиграция имела форму насильственной депортации диссидентов.

"Миграционный текст"

Мы исходим из того, что миграционные модели и установки, как и любые другие, приобретают актуальность и оформляются в категориях традиционных представлений и могут быть выражены только в рамках системы родного языка. Изучать их необходимо прежде всего на основе соответствующих речевых практик, словесных форм, письменных и устных.

Каждый тип миграции, внутренней или внешней, сопровождается созданием и распространением в повседневном дискурсе текстов, которые аккумулируют и осмысляют реальный опыт переселений и поведенческие стратегии. Это рассказы о переездах, добровольных или насильственных переселениях, рассуждения о положительном или печальном опыте перемены места жительства, оценочные высказывания о людях, которые уехали или, напротив, отказались покинуть родные места и т.д. Подобные тексты выражают собственный и чужой опыт, они могут быть реакцией на реальные случаи или на информацию, полученную из официальных источников. Совокупность таких рассказов, высказываний, рассуждений, циркулирующих внутри данного сообщества и сопровождающих реальные миграции индивидов или групп, можно назвать "миграционным текстом".

Это обобщающее понятие вводится нами по аналогии с обозначениями "локальный текст", "провинциальный текст", "семейный текст" и т.п. [Абашев 2000; Русская провинция 2000; Разумова 2001]. Напомним, что в рамках семиотического подхода к культуре и языку подобные дефиниции относятся к совокупности дискурсивных практик, которые имеют дело с определенным референтом (объектом высказывания) и связаны с ним обстоятельствами актуализации.

Миграционный текст - важный объект изучения. Прежде всего он выявляет факторы, определяющие те или иные миграционные процессы, которые превращаются в миграционные потоки. Иными словами, если человек высказывает свое желание уехать (например, за границу или в столицу с периферии), он не обязательно осуществит это в реальности, но сами высказывания указывают на определенные настроения и установки,

существующие в известном социокультурном, локальном, семейном сообществе и ставшие актуальными в некоем эмоциональном контексте.

Таким образом, миграционный текст сопутствует миграционным процессам и одновременно влияет на них. Он формулирует установки, разделяемые микросоциумом, и индивид, усваивая их, выстраивает свое миграционное поведение. Такие тексты становятся частью исторической памяти и устной традиции жителей данного региона и отдельных семей. Они воспроизводятся в сообществах разного уровня и формируют поведенческие, когнитивные и аффективные стереотипы следующего поколения.

Регион и материал

Мы убеждены в том, что миграционные процессы в России не следует рассматривать как нечто уникальное, оторванное от миграционных тенденций общемирового процесса глобализации [Segal 1993]. В то же время в них можно выявить некоторые характерные доминанты и при сравнительных кросс-культурных исследованиях определить наличие, степень и природу специфичности. Эти доминанты связаны с историческими, культурными и геополитическими обстоятельствами. Ту же модель можно применить при рассмотрении региональных миграционных тенденций в российском пространстве. Как представляется, эти тенденции будут различаться подобно тому, как различаются они в ситуациях этнических контактов на разных "чужих" территориях. Имеется в виду широкая вариативность миграционных стратегий русских, оказавшихся в "ближнем зарубежье", в зависимости от конкретных этнокультурных контекстов [Русские 1992: 10-89].

Кольский полуостров, как и весь северо-западный регион России, представляет пограничную территорию и государства, и ареала компактного расселения русских. На протяжении почти всего XX в. внешние границы страны были закрыты, при этом в некоторые периоды они становились более или менее проницаемыми для межэтнических контактов, не говоря уже о глубоких культурных традициях таких контактов, отразившихся, в частности, в устойчивых устных текстах [Дубровская, Разумова 1997]. В геополитическом сознании большинства российских жителей этот ареал ассоциирован с понятием Запада, которое в широком значении включает и страны Северной Европы. В соответствии с этим общим представлением, Российский Север и Северо-Запад являются пространством "своим" и в то же время отчасти "чужим". Это характерное восприятие этноконтактных зон с позиции населения внутренних территорий и тяготеющих к моноэтничности.

В предшествующие периоды в XX в. в данном регионе происходили значительные миграционные процессы, среди которых - массовое заселение Кольского Севера в связи с промышленным и научным его освоением путем спецпереселений и привлечения научно-технических кадров; депортация этнических групп прибалтийско-финских этносов и освоение русскими новых территорий; переселение больших групп белорусского и украинского населения в Карелию и более северные районы после Великой Отечественной войны; потоки, связанные с урбанизацией и созданием индустриальных центров (таких как Кировск и Апатиты) и многие другие.

Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что все миграционные процессы создавали в прошлом и создают сейчас при их мемориализации и переосмыслении собственные тексты и метасюжеты. Они служат объяснению причин миграций, описывают их обстоятельства сквозь призму индивидуального и коллективного опыта, проясняют механизмы адаптации.

В настоящее время на восприятие региона, как его жителями, так и извне, влияет общественный и государственный интерес, связанный с экономическим использованием северных территорий. Самосознание населения Севера опирается в значительной степени на две, казалось бы, противоположные идеи, но приводящие к сходным выводам: а) Север экономически бесперспективен, поэтому отсюда надо уезжать; б) Север интенсивно эксплуатируется экономически, причем хищническими методами, поэтому становится зоной экологической и этнокультурной катастрофы (вывод тот же).

В устойчивый "образ региона" включается и представление о том, что несмотря на полиэтничность, он является своего рода "замиренным пространством", или зоной этнической бесконфликтности. Это представление, несомненно, обладает стабилизирующим потенциалом, особенно в постперестроечной российской ситуации, когда многие регионы, считавшиеся оазисами "дружбы народов", начали восприниматься сквозь призму этнических фобий (напомним недавние опасения россиян проводить отпуск на юге России, боязнь дальних поездок вообще из-за "чеченского терроризма" и т.п.). Вместе с тем данная особенность региона, в ряду других причин, привлекла на Север представителей "экзотических" для данной территории этносов (прежде всего кавказских), что изменило демографическую ситуацию.

В силу отмеченных факторов рассматриваемый регион продолжает оставаться зоной интенсивных миграций и активного функционирования миграционного текста, который заслуживает пристального внимания.

Материалом для исследования послужили тексты, записанные, главным образом, в городах Мурманской области (Апатиты, Кировск, Мончегорск), а также в Петрозаводске и Санкт-Петербурге от коренных и приезжих молодых людей и членов их семей. Наш преимущественный интерес к Кольскому Северу вызван, в частности, демографическим составом городов. Абсолютное большинство населения составляют мигранты в первом-третьем поколениях: семьи рабочих, инженерно-технических работников, интеллигенции. Несколько отличается население г.Апатитов, социальный состав которого в значительной части представлен научной интеллигенцией, учащейся молодежью при относительно высоком проценте работников сферы образования и культуры.

В 2001-2003 годах нами были собраны и проанализированы разнохарактерные тексты, касающиеся миграционных установок и одновременно осмысления "своего" места жительства информантов. Были проинтервьюированы уроженцы и жители нескольких городов Крайнего Севера и Северо-Запада России, преимущественно молодого возраста (17-25 лет). Мы беседовали также с людьми старших поколений, чтобы по возможности определить динамику миграционных настроений на протяжении нескольких десятков лет. В качестве сравнительного материала были использованы тексты письменных интервью, данных студентами Кольского филиала ПетрГУ (г.Апатиты) и Государственной Полярной академии (г.Санкт-Петербург) и взятых ими у своих родственников.

Избранный регион чрезвычайно разнообразен в социокультурном отношении. Этот факт может позволить в будущем сопоставить миграционные тексты в больших и малых городах, городах и поселках, у представителей различных социо-профессиональных, локальных и этнических групп и т.д.

Основными задачами изучения миграционного текста, по нашему мнению, являются следующие: 1) собирание локальных и миграционных текстов, как современных, так и ретроспективных (от переселенцев разного времени); 2) выявление культурных моделей, которые формируют соответствующие тексты, а также особенностей их трансмиссии; 3) установление возможных корреляций между этнолокальной символикой и миграционными диспозициями; 4) определение характера семейного влияния на индивидуальные миграционные стратегии; 5) выяснение динамики миграционного текста в советский и постсоветский периоды. Эти задачи могут решаться только на междисциплинарной основе, т.е. на подходе, синтезирующем методы культурной антропологии, социологии, фольклористики, этнологии. Особо продуктивными, на наш взгляд, могут оказаться методы так называемой "микросоциологии", в частности, биографический метод исследования.

Локальный миграционный текст

По нашему убеждению, особенности миграционных процессов в России среди прочего коренятся в специфической социальной, экономической и ценностно-ориентированной стратификации пространства, в его иерархизации. Пространство организовано по модели "центр-периферия" ("столица-провинция"), или концентрически [Каганский 2001]. В различных исторических контекстах наблюдается стабильное преобладание центростремительных миграционных потоков в направлении "деревня-малый город-большой город-столица". В соответствии с этой моделью и в развитие ее целью стремлений является "заграница", ассоциируемая прежде всего с Западом. В связи с этим большой интерес и важность представляет анализ таких понятий, характерных для российской ментальности, как "провинция", противопоставленная "столице", и "периферия" в оппозиции к "центру мира".

Результаты наших опросов молодежи, анализ устных высказываний показывают, что ориентация на "заграницу" значительно уступает стремлению к переезду в более крупный или столичный город. Данные миграционные настроения обобщенно выражают слова информанта: "Да, я хотела бы уехать за границу, но на время, не на всю жизнь. Из своего города я хотела бы уехать насовсем по причине того, что мне нужны новые возможности, которые осуществить в моем городе просто нельзя" (Татьяна, 18 л.).

Исследование противопоставления провинции и столицы, "большого" и "малого" города осуществляется в последние годы достаточно интенсивно (литературоведами, лингвистами, фольклористами). В связи с нашей темой хотелось бы только уточнить: понятия "большого" и "столичного" городов дифференцированы. Так, ни один из информантов (а их сотни) не назвал Москву в качестве города, где хотелось бы жить. Это связано 1) с ориентацией северо-западных территорий России на Санкт-Петербург и с репутацией города как "культурной столицы, оппозиционной административному центру; 2) с отчетливо выраженными "антимосковскими" настроениями, которые усилились

за последние несколько лет. Так, в Карелии очень популярен текст об антикультурном поведении москвичей, которые "приедут на машинах, перетопчут все, вырвут грибы с грибницей..., испортят всю природу" (Е.Н., 40 л.). Говорят именно о москвичах, хотя ездят и мурманчане, и петербуржцы, и петрозаводчане. По признанию нескольких информантов-москвичей, они "боятся" или "стесняются" говорить, откуда приехали, когда находятся в провинциальных городах, чтобы не вызвать открытую неприязнь. Мы не останавливаемся на историко-культурных и социально-экономических истоках данного явления, поскольку это особая тема.

Взаимные представления этнолокальных групп друг о друге в пределах российского пространства и поведенческие стереотипы создаются также в соответствии с расширенным спектром геополитических, этнических, характерологических и прочих значений, которыми наделяются оппозиционные понятия Севера и Юга, Востока и Запада. Важную роль в формировании локальной идентичности играют знаковые природные и культурные объекты, в том числе специфические объекты городской и сельской среды.

Проиллюстрирую сказанное на примере г.Апатитов, поскольку собранные здесь материалы особенно представительны. Миграционные установки жителей этого города, с одной стороны, соответствуют известным стратегиям, с другой, демонстрируют локальную специфичность.

Мотивации соответствующих настроений и установок варьируются и выстраиваются в различные иерархии у разных поколений. Так, в настоящее время в Апатитах можно отметить убежденность большого числа людей в том, что их жизнь в этом городе лишь временная, поскольку, во-первых, в современной экономической ситуации люди больше не нужны на Севере, а во-вторых, "трудно жить, когда полгода ночь". То же ощущение временности пребывания на Севере было характерно для жителей городов Крайнего Севера и в относительно недавнем прошлом, в советский период. Однако преобладающая мотивация данного миграционного настроения была иной. Она отличала, скорее, первое поколение мигрантов и заключалась в том, что временность жизни здесь задана целями и обстоятельствами переезда. К таковым относились сознательно воспринимаемые социальные (государственные) потребности - промышленное и научное освоение Севера, и потребности индивидуальные - улучшение материального благосостояния. Итоговая реализация потребностей представляла базу для возвращения "домой" - в Ленинград, Москву и другие местности, где оставались и родные, и жилье. Последние обстоятельства - наличие жилья и близких родственников в родных краях (именно в данной последовательности) - устойчиво подчеркиваются в автобиографических и биографических рассказах, в рассуждениях на интересующую нас тему. Они, несомненно, выполняют адаптивную функцию, поскольку подтверждают возможность "возвращения в любой момент" и, следовательно, способствуют эмоциональной стабилизации.

Разумеется, есть вариации подобных миграционных текстов, обусловленные социальным статусом групп, временем и причинами переезда. Особую категорию, например, составляют рассказы о спецпереселенцах и их самих. Тем более отличаются тексты потомков высланных, репрессированных и т.п.

Смена идеологической парадигмы и "исторической оптики" в постсоветский период сказывается на миграционном тексте молодежи. Ранее причины переезда на Север, вызванные внешними обстоятельствами

(государственной необходимостью, прямым давлением, "семейным стрессом" и т.п.), воспринимались большей частью как неизбежное зло. Это инициировало ощущение безнадежности, неизбывной закрепленности за местом проживания, сопряженной со скрытой или явной агрессией по отношению как к самим обстоятельствам, так и (опосредованно) к данному месту. Уравновешивающую роль выполняли "романтические" тексты. Их значения сопряжены либо с идеей единства государственных ("общественных") и личных интересов, либо с идеей эмансипации (инициации) молодого поколения, т.е. с романтикой самостоятельности, коллективизма, преодоления испытаний, самоутверждения и т.п.

Изменившийся когнитивный контекст и переоценка прошлых социально-исторических контекстов (в упрощенном виде - просто с обратным знаком) порождают иные значения. Романтический текст практически отсутствует. Миграционные настроения могут явно или латентно мотивироваться необходимостью и возможностью компенсировать давление, оказанное на индивида (семью) в прошлом, либо исправить "заблуждения прошлого" и вернуться к некоему исходному равновесию. При этом наличие большей или меньшей свободы выбора положительно влияет на оценку самого места проживания, требуя дополнительных обоснований для его перемены. Само собой разумеется, что для второго и тем более третьего поколения мигрантов место "временного пребывания" старших поколений уже воспринимается как "родина" или "вторая родина" (последнее указание весьма типично). В любом случае при формировании миграционных настроений и стратегий чрезвычайно существенную роль играет историко-культурная память и идентичность локального сообщества.

Город Апатиты, как известно, возник в связи с разработкой Хибинских месторождений, получил официальный статус в 1966 г. и носит имя по названию добываемого минерала. Фольклорная интерпретация названия и городские этиологические предания показывают, что этнически территория ассоциируется с саамским населением: "Вообще это лаппинское название, означающее "плодородие". Поэтому апатит часто называют "камнем плодородия" (Наталья, 17 л.); "Странность его (города - И.Р.) заключается в том, что еще до его основания олени, которые паслись в этих местах, боялись вступить в круг, с которым совпадают границы этого города. Они оббегали это место каждый раз. Может быть, поэтому наше место назвали "черной дырой" (Екатерина, 18 л.). Подобно любому городу, Апатиты наделяются рядом клишированных характеристик: "По поводу известности этого города я могу сказать, что это город, где экология относительно чиста, это город молодежи, это город, где жизнь строилась руками заключенных во время Сталинского правления" (Елена, 19 л.).

Основная символика города и топика городских меморатов (устных рассказов) типичны для образа провинциального города: "Здесь легче дышится, чем в больших городах. Не так грязно, как в Москве, например. Не так шумно… Он почему-то представляется игрушечным. С маленькими улочками и домиками" (Наталья, 20 л.); "Часто встречаешь знакомые лица, здороваешься и улыбаешься" (Александр, 18 л.) и т.п. Акцентированы природно-географические и метеорологические символы: "Наша достопримечательность - зима с ее полярными ночами и большим обилием снега" (Наталья, 20 л.). Ответ на вопрос "Чем ваш город особенно известен?" - "Конечно, Хибинами. Толпы людей

приезжают именно для того, чтобы сходить в Хибины, а не посмотреть город" (Алексей, 19 л.). Второй природный символ Апатитов - озеро Имандра. Несомненное отличие заполярного города - северные сияния. Типовая характеристика провинциального города - спокойствие связывается с северной спецификой: "по сравнению с южными областями и крупными городами в Апатитах еще более или менее спокойно" (Н., 23 л.).

Безвестность малого города компенсируется определенными преимуществами, в том числе локально детерминированными. Одно из таковых - представление о высоких заработках северян. На этом основан анекдот, который может прикрепляться к любому северному городу: таксист в Лос-Анджелесе (Москве или другом крупном столичном центре) отказывается везти клиента в Апатиты, но, увидев у того пачку долларов, немедленно спрашивает, в какой именно район города нужно ехать, причем обнаруживает знание неофициальных топонимов.

Один из знаковых объектов города - Кольский научный центр Академии наук. Для абсолютного большинства горожан любимое место города - Академгородок, который представляет собой парк с невысокими зданиями. Научный центр придает особое свойство образу города: он "заставляет людей держаться на должном уровне" (Татьяна, 18 л.); "в принципе, у нас город, можно сказать, науки" (Людмила, 51 г.); "это интеллигентный город - есть научный институт и много ученых" (Надежда, 18 л.). Отмечается также, что в городе много филиалов высших учебных заведений, отчего он предстает молодежным и студенческим. Образ типичного жителя Апатитов - это образ северянина, дополненный социальными характеристиками: "Северяне, в частности, жители Апатит, развращаются пока медленнее всех. Здесь и взятку не всякому дашь, не все еще покупается, да и в плане общения попроще. Люди намного добродушнее, еще верят в дружбу" (Екатерина, 19 л.); "Чтобы определить характер северянина, напомним корни - ссыльные и ученые. Отсюда - тихие, спокойные, но не забитые и гостеприимные" (Мария, 27 л.). Апатиты предстают центром известной территории. Признавая провинциальность города, информант отмечает: "Наш город удален от больших центров. И город - почти сердце, середина Кольского полуострова (Наталья, 20 л.).

Важную роль в формировании локальной идентичности играет восприятие города или только его имени извне. Для жителей других регионов России основная отличительная черта Апатитов - географическое положение, дополненное этнографическими реалиями: "Некоторые спрашивают об оленях и белых медведях, когда узнают, что это на севере. Они думают, что тут и цивилизации нет, что мы в юртах живем" (Ольга, 20 л.). В качестве ответной реакции рождается текст, прямой или пародийный, идущий навстречу ожиданиям: "Апатиты - это город, где олени ходят вокруг юрт". По словам информанта, "порой человека так легко убедить в том, что ты живешь в первобытном обществе саамов среди ледяной снежной пустыни, рядом с морем, в котором плавают тюлени" (Екатерина, 19 л.). Несомненна роль самих северян в создании утрированного "образа себя" глазами "других". Непосвященный "южанин" (понятие чрезвычайно широкое, с точки зрения жителя Кольского полуострова) становится анекдотическим персонажем в рассказах жителей Севера. Он верит, например, тому, что "школа - это большой чум, посередине сидит учитель, кругом ходят олени..." (Наталья, 18 л.).

В сложении текста, характеризующего город, местность, типичного жителя, большое значение имеют ключевые слова, маркирующие местность или объекты. Как правило, они создают формульные высказывания, часто ироничные: "дюди здесь замороженные", "негодяев нет, все вымерзли", "в холоде люди дольше сохраняются", "даже представители кавказской национальности ведут себя относительно спокойно - наверное, просто заморозились" и т.д.

Сопоставление локальных текстов, представляющих различные города и местности, позволяет выявить не только параметры их сходства и специфичности, но и включенность в особую систему отношений с другими городами и местностями, например, в пределах региона или расширенного пространства (государства). Так, на Кольском полуострове Апатиты и Кировск - территориально близкие города, отчасти соперничающие, отчасти воспринимаемые как нечто единое; Мурманск - город более "столичный" (областной центр) и частично противопоставленный Апатитам как "научному центру" края; Мончегорск - "провинциальнее", "некультурнее" и неблагополучнее Апатитов и т.д.

На вопрос о том, где им хотелось бы жить, большинство жителей города отвечали, что мечтают "о теплом береге одного из южных морей" (Екатерина, 19 л.) или городе средней полосы России. Идеальным представляется такой же город, но в южных (противоположных) широтах: "Жить я хочу в Сочи, в горах" (Мария, 27 л.); "Если у меня будет возможность, то я уеду из Апатит, но скорее это будет тоже небольшой городок, но только на юге" (Наталья, 17 л.). Показательны несколько однотипных высказываний о том, что предпочтительным местом жительства мог бы быть город - "реальный двойник" Апатитов, "только где бы не было проблем ни в экономической сфере, ни политической, ни культурной" (Татьяна, 17 л.). Отчетлива ориентация на скандинавские (чаще шведские) города в качестве идеальных.

Если суммировать наши материалы, в том числе собранные в Карелии и Санкт-Петербурге, то не более 2-3% молодых людей имеют миграционные установки, направленные на Запад. Если называют при этом страну, то это США или Франция, иногда Германия (как правило, при наличии там друзей или родственников). Полностью игнорируются восточные и южные страны. При этом большинство информантов выразили желание побывать или пожить за границей. Максимальный срок пребывания устанавливается в несколько лет. Многие бы хотели повысить за границей профессиональный уровень и заработать денег. Однако нельзя не отметить, что на первом месте среди мотивов посещения других стран оказывается познавательный. В различных формулировках информанты выражают потребность в расширении собственного социального и этнокультурного пространства. Особенно характерно такое желание для жителей провинциальных городов. Большинство информантов хотели бы жить в небольшом ("своем") городе, учиться в крупном центре, а "за впечатлениями" ездить в разные страны мира. Вполне возможно, что мы имеем дело с определенной трансформацией миграционных настроений и актуализацией того, что можно назвать чувством локальной идентичности представителей молодого поколения.

Эти выводы носят предварительный характер. Вместе с тем они вполне согласуются с заключением социолога культуры, который, анализируя

современное массовое сознание, отмечает: "Из-под рассыпающегося общего календаря и кристаллизующегося нового набора масскоммуникативных героев и сенсаций начинают все отчетливей проступать события и фигуры иных уровней. Среди них, например, уровень локальных ориентиров и коммуникаций - уровень города, региона. Растет - особенно у молодежи - значимость структур межличностного общения, роль ближайших референтных инстанций, опосредующих взаимодействие более общих авторитетов, либо, напротив, компенсирующих их недостаток" [Дубин 2001:156]

Семейный миграционный текст

Представляется важным определить, в какой степени воздействует на миграционные поведенческие стратегии личности семейный (включая генеалогический) историко-культурный опыт. По нашему мнению, существует "семейный миграционный текст", который благодаря вертикальной трансляции программирует поведение индивида.

Вполне очевидно, что в постсоветский период изменились установки, связанные с миграционным поведением, т.к. произошло смещение функции контроля над ним. Это касается как внешних факторов, так и, очевидно, в первую очередь - внутренних мотиваций миграций индивидов и семей. В относительно недавнем прошлом (условно говоря, в советском геополитическом пространстве) не только переезд или временный выезд за границу, но и место жительства в своем отечестве должны были быть санкционированы государством. С дезинтеграцией тоталитарного государства существенно возросла роль личного выбора. В то же время русская традиция отличается высокой степенью личной ориентированности на семейный и микросоциальный (субкультурный) опыт, что сдерживает и корректирует процесс индивидуализации. Мы полагаем, что в условиях постперестроечной России функцию контроля миграционного поведения взяли на себя семья, родственная группа и в несколько меньшей степени группы социальной ориентации.

В относительно недавнее время любая поездка, командировка на Запад, загранплавания моряков и т.п. рассматривались как высокий статусный признак. С другой стороны, люди, которых не выпускали за границу ("невыездные"), имели все основания гордиться тем, что государство открыто признает их оппозиционность. В настоящее время основное значение ситуации поездки за рубеж - зарабатывание денег, в связи с чем усиливается противопоставление "материального" и "духовного" в соответствующем дискурсе и создаются условия для актуализации патриотического текста.

В недавно вышедшем интересном исследовании И.Сандомирской хорошо проанализированы дискурсивные практики, связанные с концептом "родины" [Сандомирская, 2001]. Мы останавливаемся лишь на одном аспекте функционирования данной риторики. И.Сандомирская подчеркивает концептуальное различие "родины" как фетиша государственности, с одной стороны, и как "идеального состояния локального", с другой стороны [там же: 17-18]. На основе первого значения формируется идея Родины - государства, на основе второго - концепция "малой родины". В аспекте нашего исследования (с точки зрения миграционных стратегий) идея "вечного возвращения" связана с малой родиной, тогда как идеи "изгнанничества" [там же:69-70] или эскапизма

ассоциированы с родиной-государством. В определенных контекстах, равно важных как для советской России, так и для постсоветской, "малая родина" воспринимается как альтернатива "великой Родины" [там же: 54-55]. Фактически мы имеем дело с двумя культурными концептами, которые вступают в сложный диалог. Оба они могут служить формой рационализации реальных миграций и миграционных настроений, поведения. По нашему мнению, оба понятия коррелируют с категориями Любви и Долга, что создает различные миграционные тексты. В то же время только малая родина связана с идеей "родных корней", в которой объединяются представления о локальной и семейно-родственной идентичности.

Вследствие дискредитации государственной идеи семейное пространство, которое ранее расширялось до размеров страны, теперь включает в себя пространство "родины" (в том числе "малой"). Приведем два фрагмента из рассуждений бабушки и внучки, полученные в ответ на вопрос о желании уехать за границу: (1) "...Я всегда была патриоткой своей страны, кто бы у власти ни стоял... Это как же я могла бы отсюда уехать, если здесь похоронена моя мать, отец погиб, защищая нашу землю от фашистов. Это выходит, я бы предала их и сделала бы своих детей предателями. Я бы стала врагом своему народу, государству и себе. Если уж ты гражданин своей страны, если ты патриот, то ничто не может сделаться тебе ценнее родины, и никто не в силах заставить тебя отказаться от нее" (И.С., 74 л., Зап. Е.Шейко); (2) "Семья и родина: для меня эти понятия тесно связаны... Я очень люблю свой родной город Санкт-Петербург... Здесь прошло мое детство, именно с этим городом связаны мои самые лучшие моменты жизни и воспоминания. Именно здесь познакомились мои бабушки и дедушки, родились папа и мама. Уже за одно это я не променяла бы ни за что на свете свою родину. Однако существует еще одна причина. Санкт-Петербург словно стал членом моей семьи, самым мудрым моим другом... Я очень надеюсь на то, что в будущем я и моя семья не покинем нашу прекрасную страну, что мои дети, внуки, правнуки будут так же любить свою родину и помнить о том, что когда-то их бабушки и дедушки гуляли по каменным мостовым и любовались садами и дворцами города на Неве" (Елизавета, 18 л.).

Поддержание родственного единства представляет основную идею и стратегический проект существования семьи. При этом представление о семейно-родственной идентичности во многом базируется на отождествлении группы с ее локализацией в специализированном узком значении ("дом" для семьи) и расширенном ("родина" для родственников). Изучение современного семейного фольклора и спонтанных текстов о семье позволяет установить характер массовых представлений, касающихся концептов родства, семьи, дома, родины и т.д. Семантика соединения-разъединения родственников наиболее существенна для семейного текста. Наибольшее количество форм и способов интерпретации приобретает разъединение родственников в формах пространственного отдаления [Разумова, 2001: 280-283; 304-305].

В зависимости от семейных ценностных установок, социальных и биографических обстоятельств родственник, оказавшийся за рубежом, продолжает оставаться членом семьи либо считается потерянным, "умершим". В реальности родственник, оставшийся за границей, часто "выпадал" из семейной памяти. Напомним, что сами словосочетания "уехать в дальние края", "уехать за границу" (реже) и ставшее наиболее традиционным "уехать в Америку"

являются наряду с устойчивым "он нас покинул" метафорическими заменителями указания на смерть человека, поскольку совмещают значения предельной удаленности и отграниченности.

Пребывание в другой стране могло расцениваться как измена родине и одновременно семье. В советский период, если близкие узнавали о родственниках за границей, они чаще всего не откликались на их письма из боязни проявить нелояльность к властям. Теперь, напротив, поиски зарубежных родственников приобретают и материальное, и нравственное обоснование. В последние годы популярной темой стало воссоединение родственных групп в формах а) возобновления контактов, прерванных из-за исторических катаклизмов, б) обретения новых, т.е. не известных ранее родных. Рассказ о том, как нашлись родственники, оказавшиеся в Финляндии (Швеции, Германии), строится на детальном описании процесса и этапов поисков (инициирующей стороной чаще выступают представители зарубежной ветви), с обязательным упоминанием "первого письма", акцентом на первой встрече и заключительной констатацией стабильности установленных отношений. Мотив поисков может заменяться неожиданным узнаванием, например, по встретившейся в газете фамилии.

Естественно, что тексты, касающиеся миграций, зависят от возраста и родственного статуса информантов, от коммуникативной ситуации (риторика может быть неотрефлектированной либо намеренной). Понятия родина / заграница, свои/иностранцы, родные/чужие включаются в семантическое ядро рассматриваемых нарративов. При тождественности риторики дискурса о родине и заграница ассоциированность слова "родина" различна (родина = государство vs родина = семья).

Мотивы русских текстов о заграница достаточно типичны и в данном аспекте не требуют подробных комментариев. Прежде всего "заграница", Запад - утопическая земля сказочного благополучия. Этот мотив повторяется и в рассказах тех, кто уже достиг успеха в другой стране, и в текстах информантов, для которых переезд представляет перспективную стретегию: "Надоело каждый день работать и получать гроши, а там ценится труд человека. И вообще к людям в Европе относятся с большим уважением, чем здесь. Я люблю Россию, и если бы здесь были возможности хорошо жить, я бы осталась..." (Е.В., 46 л., Зап. О.С.Сапегиной). Тексты абсолютно формульны и не нуждаются в обильном цитировании.

Одна из типичных позиций основана на стереотипном утверждении, что "здесь (в России) жить нельзя". Заметим, что само утверждение не только не конкретизируется, но часто фактически и не вербализуется, считается общим знанием. Что касается "заграницы", то ее значение в таком общем контексте редуцируется: иностранное - лучшее. Вместе с тем, безусловно, существует дифференциация и ценностная стратификация "заграничного" пространства. Именно это имеет в виду И.Сандомирская, когда нишет о "воображаемой географии" в связи с символами "востока" и "запада" в русской культуре [Сандомирская, 2001: 71].

Примечательны рассказы о возвращении на родину после пребывания за границей: о контрастных негативных впечатлениях, депрессии первых дней, необходимости адаптации ("несколько дней на улицу не выходил"). Они, как

правило, иллюстрируют высказывание: "К нашей жизни (аналогично - к "их" изобилию) нужно привыкать постепенно".

Данное представление влияет на брачное поведение и сюжетику рассказов о заключении брака. В последнем случае повествование развивается по сказочному сценарию. Иностранец(ка) - один из предпочтительных брачных партнеров. Такой брак соотносится с возможностью избавления от российских проблем, покоем, благополучием. Назидательный родительский текст: "А вот твоя троюродная сестра Лена, помладше тебя будет, уже в прошлом году вышла замуж и живет теперь не где-нибудь, а в Лос-Анджелесе" (Любовь, 21 г., воспроизводит повторяющуюся реплику отца. Зап. И.В.Руппиевой). Алевтина Н., 52 лет, постоянно говорит своей крестнице: "Глупая ты, такого парня упускаешь: красивый, живет в Питере, учится в университете, мать в Канаде живет. Глядишь, через годик-другой и ты вместе с ним уже бы там была. Жила бы припеваючи" (Зап. И.В.Руппиевой).

Одновременно бытуют рассказы анекдотического характера о браках с иностранцами. Подобно устным и литературным анекдотам о поездках россиян на запад, они обыгрывают столкновение поведенческих стратегий персонажей, их темпераментов, несовпадение этикетных норм и т.п.

Альтернативу сказочному брачному сюжету составляют страшные рассказы о горестной судьбе, пропаже и даже гибели женщин, вышедших замуж за иностранных граждан и оказавшихся обманутыми. Как правило, такие истории относятся к восточным и южным странам (мусульманским, но не исключительно). Можно заметить, что противопоставление Запада и Востока отчетливее всего именно в связи с данной темой (в целом в связи с гендерной проблематикой). Другая страна - всегда чужое пространство, но оно, безусловно, дифференцировано.

Чужеродность иной страны лучше всего выявляется в ностальгических эмигрантских текстах, сосредоточенных на мотивах трагической вины, душевной неуспокоенности и т.п. Неуспешность эмигранта на новом месте обычно рассматривается как наказание за "отрыв от почвы". (Мы не рассматриваем тексты данного ряда, поскольку это особый предмет.)

Боязненное отношение к отъезду родственников за рубеж обычно мотивируется опасностями разного рода, вплоть до бытовых. Из напутственных рекомендаций матери: "...А еще вести здоровый образ жизни, не есть что попало и не пить химикаты всякие..." (Ирина Михайловна, 61 г. Зап. О.С.Сапегиной). "Излишества", вредящие здоровью, искусственная пища включены в ряд примет заграничной (западной) жизни и сосуществуют с более серьезными фобиями.

Страх, как правило, родительский, - это в равной степени страх и за отъезжающих, и за себя. Самое нежелательное последствие переезда - невозможность возвращения, воссоединения с близкими. По мнению подавляющего большинства информантов, отсутствие родственной поддержки на новом месте - главное обстоятельство, препятствующее любому переезду (в том числе и в пределах своей страны): "Ни в коем случае не отпустила бы моих детей за границу. И здесь можно денег заработать, а там неизвестно еще, вернешься ли назад или нет. Там такие же проблемы, а мы к нашим привыкли. Мало ли еще и люди неблагожелательные попадутся, используют их в своих интересах и оставят без возможности домой вернуться. Тем более там никакой поддержки нет. Если беда какая случится, куда им податься?! Да, люди уезжают,

но это их личное дело, а которые могут там остаться безо всяких проблем, значит им просто повезло" (Екатерина Ивановна, 60 л. Зап. О.С.Сапегиной).

За единичными исключениями, все убеждены в том, что родственники должны если и не жить вместе, то "быть рядом" (физически, территориально): "Я считаю, что, в принципе, семья, разделенная несколькими тысячами километров, теряет в себе тот смысл, который первоначально вкладывался в понятие "семья". Конечно, современная техника позволяет поддерживать контакт между родными и на таких расстояниях, но она не в состоянии заменить того настоящего чувства семьи, которое появляется только при непосредственном постоянном общении. Выпустив одного человека из семьи, остальные уже никогда не смогут восстановить атмосферу семейного ужина на кухне, которая была при нем. Хотя и препятствовать отъезду зачастую становится невозможно, тогда не остается ничего другого, кроме отъезда сначала одного, а потом очень часто и остальных членов семьи" (Лариса Михайловна, 46 л. Зап. О.Ю.Харитоновой).

Таким образом, в случае положительной миграционной установки преобладающими оказываются стратегия коллективного переезда и идея совместного преодоления страхов и трудностей: "А на что туда ехать-то? Не понимаю я, чем здесь плохо... Но если бы пришлось мужу моему уехать куда-либо, то я отправилась бы с ним. Вдвоем не страшно" (Мария Васильевна, 73 л. Зап. О.С.Сапегиной).

Обращает на себя внимание мотив "родительской жертвы", характерный в целом для семейного текста. Он усугубляется различием миграционных установок поколений. Нам удалось записать рассказ женщины, дочь которой эмигрировала из Санкт-Петербурга в Эстонию. Несмотря на то, что территориально это достаточно близко, наличие государственной границы и традиционное восприятие Эстонии как "запада" (чужого пространства) являются для информанта психологически травмирующими обстоятельствами: "...Подумайте сами, каково мне. Вот взгляну на ее радужное лицо на фотографии, и сердце кровью обливается. Ужас какой - она не просто в другом городе, а в другой стране. Каждый день перезваниваемся, но это не то... Я на самом деле не сильно сопротивлялась ее переезду. У нас в России зарплату не платят, извините, бывает самим жрать нечего, а Оленьке рожать надо. Какие у нас дети?! Я сама всю жизнь, как лошадь ломовая. Работала, ну и заработала на коммуналку и до сих пор считаю каждую копейку. Пусть хоть дочь поживет нормально. Эстония - это уже Запад. Семья наша как была семьей, так и осталась, Новый Год вместе, они с мужем приезжают. Внучков жду - не дождусь. Они меня хотели туда забрать, да я не поехала. Люблю я Россию и ее вонючие коммуналки. А последнее время сон странный снится: как бы Оленька все бежит от меня, бежит, а у меня даже ноги не двигаются, и я со слезами смотрю, как она удаляется. Хотя ерунда все эти сны" (Надежда Ивановна, 45 л. Зап. Е.А.Царевой). Заметим, что образность сновидения соответствует онироматической символике смерти.

Утверждение: "Главное, чтобы им (уехавшим) было хорошо, а нам-то уж ладно..." - одно из характерных. Оно поддерживается аргументацией в пользу продолжения рода: молодежи, чтобы выжить и иметь детей, нужно иметь более благоприятные условия. Рассказы о том, как беременные женщины, прибегая к хитростям и преодолевая трудности, едут рожать за границу, представляют один

из популярных сюжетов (например, истории о том, как женщина переплывает на лодке в Финляндию или, скрывая свое положение, летит на самолете в Америку, чтобы родить гражданина другой страны). Ситуация рассматривается как акт спасения рода. Сходные мотивы: спасение ребенка, молодой женщины ценой здоровья, благополучия, а иногда и жизни других родственников - часты в семейных рассказах о войне.

Согласно семейному мифу, родственники - единый организм в пространстве и времени. Сакральна земля, где родились и похоронены родственники ("от могил не уедешь"). Напомним обычай привозить землю с могил родных, похороненных вдали от места, считающегося "малой родиной". Формульное выражение этого комплекса представлений демонстрирует риторика текстов о семье и родине.В апологетическом тексте о родине информантов разного возраста следует признать первичной, базовой аргументацию, связанную с родственным единением, даже если она дополняется иными мотивировками: "Поехать учиться за границу? Нет! Я считаю, что в России образование лучше. А за границей образование узко специализированное. Да и потом, что там вообще хорошего? Я не понимаю, зачем уезжать. Здесь - родина, родные, друзья, родной язык. А там - все чужое. Кто там нас ждет? Везде хорошо, где нас нет. А здесь, как бы плохо ни жилось, все же Родина. Здесь у меня мама, папа, бабушка" (Инна, 21 г. Зап. О.А.Пальчиковой).

Принадлежность "родине" - онтологическое свойство человека ("родина - в себе"), ассоциированное с его судьбой. Но если у человека советского отождествляются народ-родина-государство, то у современного, особенно молодого, акцентируется идея родственного идентитета и усиливается потребность в семейной защите (в ситуации социальной нестабильности). При этом расподобляются понятия государства и родины и, как следствие, либо актуализируется стереотип "страдающей родины" (с которой нравственный императив требует страдать вместе), либо формируется стратегия, направленная на сохранение рода путем переезда (детей рожать за границей, ехать вместе) и возможного возвращения.

Сбалансированная позиция предполагает совмещение положительной миграционной установки и привязанности к родине. Эта позиция выражена, в частности, в родительских рассуждениях: "Ну это, конечно, не на всю жизнь. Так - побывал там да там и домой вернулся" (Ирина Михайловна, 61 л. Зап. О.С.Сапегиной); "Я сама очень хотела бы, чтобы я или мои близкие поехали за границу. Если бы мой сын поехал за границу учиться или работать, я была бы не против. А вот брак с иностранкой мне не очень нравится, т.к. поэтому сын может остаться там жить навсегда. А я считаю, что если дети живут за границей, то как-то связь с родителями теряется" (Алла Моисеевна, 36 л. Зап. О.А.Пальчиковой. В круг положительных значений включается и возможность расширения культурного пространства: "По-моему, это нормально. Нельзя же всю жизнь на одном месте жить. Поработают там, сюда приедут деньги тратить... Нужно расширять свой кругозор. А за границей интересоваться всем, ходить в свободное время в театры и музеи" (Ирина Михайловна, 61 г. Зап. О.С.Сапегиной). В связи с этим есть культурно отмеченные страны - Франция, Италия.

В целом можно установить основные типы текстов на интересующую нас тему: апологетический, сбалансированный ("с одной стороны, с другой стороны"), компенсаторный (через формулу "а зато"). При всей традиционности культурно детерминированной риторики (традиция дихотомии Россия-заграница, устойчивость советских и анитсоветских штампов типа "железный занавес" и т.д.) наблюдается адаптация текстов (перемена значений, ассоциативных связей), обусловленная переменой геополитической ситуации в России. В этом отношении наиболее стабильными и эмоционально переживаемыми оказываются концепты "родной земли" ("родного города"), "родного (родительского) дома". В ситуации свободного выбора они становятся особенно значимыми и выполняют роль стабилизирующего фактора.

Литература

Абашев 2000 - Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь. - 2000.

Дубин 2001 - Дубин Б. Слово - письмо - литература: Очерки по социологии современной культуры. - М. - 2001.

Дубровская, Разумова 1997 - Дубровская Е.Ю., Разумова И.А. Контакты народов Европейского Севера (на материале фольклора) // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. - СПб., 1997. - С.201-208.

Каганский 2001 - Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. - М., - 2001.

Максимов 1877 - Максимов С.В. Бродячая Русь Христа ради. М., 1877; Максимов С.В. Бродячая Русь // Отечественные записки, 1987. - № 227-230.

Полян 2001 - Полян П. Не по своей воле... История и география вынужденных миграций в СССР. - М., 2001.

Провинция 2001- Провинция как реальность и объект осмысления. Материалы конференции 29.08-1.09.2001, Тверь. - Тверь, 2001.

Разумова 2001 - Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. - М., 2001.

Русская провинция 2000 - Русская провинция: миф - текст - реальность. - М.- СПб., 2000.

Русские 1992 - Русские. (Этносоциологические очерки). - М., 1992.

Сандомирская 2001. - Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Вена, 2001

Чистов 1967 - Чистов К.В. Русские социально-утопические легенды XVII-XIX вв. - Л., 1967.

Щепанская 1992 - Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. - СПб., 1992. - С.102-126.

Ядринцев 1882 - Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

Boss 1988 - Boss, Pauline. Family Stress Management. Family Studies. Text series.- Sage Publications, California, 1988.

Hill 1949 - Hill, R. Families under stress. Westport, CT: Greenwood, 1949.

Segal 1993 - Segal A. Atlas of international migration, 1993.